

В суматохе было не до чего-либо ещё. Дань Чао быстро всплыл на поверхность, одной рукой обхватив Се Юня, другой поплыл к берегу, ухватился за резные каменные ступени пруда Тайе и с плеском выкатился на сушу.

— Се Юнь?!

Дань Чао перевернул тело Се Юня и увидел, что его глаза закрыты, лицо синевато-белое. Сердце его гулко упало. Он тут же протянул руку, сжал челюсть Се Юня и склонился к его губам.

На самом деле, в тот момент Дань Чао особо не размышлял, это была больше подсознательная реакция. Но в мгновение, когда он коснулся уголка губ Се Юня, холодная и мягкая текстура заставила его сердце на миг остановиться.

Сразу после этого три пальца упёрлись в его горло, грубо оттолкнув прочь.

— Кх-кх-кх, кх-кх...

Се Юнь, мокрый с головы до ног, перевернулся и сел, в полной беспомощности выкашляв несколько глотков воды. С трудом прекратив кашель, он хрипло обратился к остолбеневшему Дань Чао:

— Нет, я всё-таки... не очень хочу целоваться с мужчинами.

[Дань Чао: ...]

Госпожа Хэлань вся дрожала, отступая назад, затем споткнулась и упала на длинную скамью у перил павильона на воде, не в силах поверить:

— Се... Се Юнь, ты как посмел...

Се Юнь с плеском выжал из своих длинных волос пригоршню озёрной воды и в полном изнеможении произнёс:

— Прыгайте, почему сейчас не прыгаете? Давайте доведём дело до императора и пусть он рассудит, как именно я вас домогался, ну?

Госпожа Хэлань не могла вымолвить ни слова, она почти полностью лишилась способности реагировать. Дрожа, она указывала на Се Юня, потом на Дань Чао, повторила это несколько раз и наконец с трудом выдавила:

— Се Юнь! Ты... ты не смей так переходить все границы!

— Думаешь, сегодня на этом всё закончится? Ни за что! Говорю тебе, пока императрица У сидит на троне, пока в тебе живёт это неприглядное чувство к императрице У, этому не так легко придти к концу!

Дань Чао как раз собирался подняться, но его рука, упирившаяся в землю, вдруг сжалась, сухожилия и кости резко обозначились.

— Не думай, что так легко ускользнёшь! — Госпожа Хэлань резко встала и громко сказала:

— Ты унизил меня до такой степени, жди же!

Ночной ветерок пробежал, холод проник до костей. Се Юнь откинул за ухо промокшие волосы у виска, поднялся и устало произнёс:

— Хватит нести чепуху.

Дань Чао в тени у озера молча смотрел на него. Такой он был молодой, мужская энергия в нём была ключом. Даже в таком тёмном ночном свете его глаза были твёрдыми и острыми, как лезвие. Се Юнь раздражённо спросил:

— На что смотришь? Это тебя не касается.

В это время вдали постепенно послышались шаги проходящего патруля охраны, огни приближались, вскоре они свернули за каменный мост. Послышался настороженный оклик Ма Синя:

— Кто там? Стоять на месте!.. Командир? Командир?!

Ма Синь с подчинёнными бросился бегом. К его изумлению, госпожа удела Вэй стояла в павильоне на воде, переполненная гневом и обидой, а Се Юнь и Дань Чао, мокрые с головы до ног, стояли на берегу, явно только что выбравшись из воды. Вся охрана на месте остолбенела. Однако Ма Синь среагировал быстро, не смея даже спрашивать, что же произошло. Он тут же распорядился, чтобы принесли полотенца и одежду, а также немедленно отправил людей сопроводить госпожу удела Вэй обратно на пир во дворец Циннин.

Госпожа Хэлань смертельным взглядом посмотрела на Се Юня, стиснула серебряные зубы, развернулась и ушла. Её пышная дворцовая юбка и рукава шлёпнулись о красную колонну павильона, раздался громкий хлопок.

[Ма Синь с тревогой наблюдал за этим...]

Обернувшись и мельком увидев Дань Чао, он сразу почувствовал, как гнев поднимается из глубины души. Придерживая рукой меч, он тихо спросил Се Юня:

— Командир, как вы упали в воду? Неужели этот монах... Мне сейчас...

Се Юнь поднял руку, останавливая его.

— Как во дворце Циннин?

Ма Синь опешил:

— Пир идёт как обычно.

— А император и императрица?

— Оба за столом.

Се Юнь кивнул и сказал:

— Пошли.

— Командир, может, сначала переоденетесь в сухое... Ай!

Се Юнь взмахнул рукавом и направился в сторону, откуда пришёл. Однако, не пройдя и

нескольких шагов, он вдруг остановился и сказал:

— Дань Чао.

Дань Чао стоял в месте, где свет фонарей был тусклым. Всё его тело, казалось, было напряжено до предела — это состояние, подобное натянутой тетиве лука, при первом взгляде даже создавало иллюзию, что он в любой момент может яростно атаковать, словно дикий зверь, вырвавшийся из загона.

Се Юнь обернулся:

— Иди сюда!

Дань Чао наконец пошевелился. Но вместо того чтобы шагнуть вперёд, он протянул руку, чтобы схватить Се Юня за запястье, свисавшее вдоль тела.

В этот самый момент из дворца Циннин вдаль вдруг поспешно появился стражник. Он двигался очень быстро, вскоре обогнул каменный мост, подошёл, наклонился к уху Ма Синя и что-то тихо прошептал.

Ма Синь кивнул, похлопал стражника по плечу, давая знак идти вперёд, затем сам шагнул вперёд и склонился в поклоне:

— Командир, из дворца Циннин пришло сообщение — император одобрил.

Се Юнь бросил на него взгляд. Ма Синь, опустив голову, сказал:

— Вскоре после того, как вы покинули пир, госпожа удела Вэй под предлогом поспешно удалилась. Затем императрица снова предложила в качестве помощника для жертвоприношения сопровождать императора на жертвоприношение на горе Тайшань, а после возвращения в столицу официально начать присутствовать на утренних приёмах и слушать доклады по управлению — император сказал: «Это весьма подходяще». Тогда императрица представила меморандум первого советника, и император, подвыпив, утвердил его!

— Собственноручный императорский указ уже издан. Его величество назначил отправление на гору Тайшань в конце месяца, а завтра это будет объявлено всему миру!

* * *

— Жертвоприношение на горе.

Жертвоприношение на горе подобно жертвоприношению Верховному владыке, подношению жертв шести святым; возлияния духам гор и рек, всеобщим жертвоприношениям всем божествам. Началось при Цинь Шихуанди, стало пышным при Хань У-ди, а в смутные времена нельзя было соблюсти церемонию. Поэтому Тай-цзун несколько раз желал совершить жертвоприношение на горе, но не мог. Нынешний император смог.

Одновременно с этим он смог совершить жертвоприношение на горе вместе с императрицей, объявить об этом Небу и Земле, управлять страной, сидя на троне вместе с ней, — это можно назвать беспрецедентным во всей древности и поныне.

Се Юнь не вернулся на пир во дворец Циннин, а сразу отправился обратно в свою усадьбу. Дань Чао, так же как и он, промокший насквозь, сидел в карете, где топилась печка. Всю

дорогу они молчали, лишь слышался шелест колёс, катящихся по Чжунчжэн дацзе.

Проезжая мимо ворот храма Цыэнь, Дань Чао вдруг протянул руку и приподнял занавеску кареты. Высокие храмовые ворота величаво и безмолвно стояли в ночном воздухе, нефритовые ступени у входа вели вверх, исчезая в более глубокой и непостижимой темноте за вратами храма.

— Если хочешь вернуться и стучать в деревянную рыбу, так и скажи, — вдруг лениво произнёс Се Юнь.

Однако Дань Чао, не отрывая взгляда от храмовых ворот, которые по мере движения кареты постепенно удалялись, внезапно выдавил слегка насмешливую улыбку:

— Нет. Я просто думаю... почему в тот день наставник, возвращаясь поздно ночью в усадьбу, проезжая мимо храма Цыэнь, вдруг приподнял занавеску кареты и на мгновение выглянул наружу?

Се Юнь наконец слегка приоткрыл глаза, которые до этого были закрыты. В карете печка топилась жарко, его промокшие ресницы уже давно высохли. Он приподнял их с ленивой, рассеянной и небрежной дугой и, вместо ответа, спросил:

— А сейчас ты хочешь вернуться в храм Цыэнь?

Вернуться?

Дань Чао на самом деле не считал, что два года уединённой практики в храме были чем-то плохим. Если у мужчины спокойный ум, он может жить где угодно. Утренние колокола и вечерние барабаны, простая еда и грубая одежда — ничего такого, что нельзя было бы вынести.

Но... Дань Чао сосредоточенно поразмышлял несколько мгновений, затем всё же покачал головой:

— Пока нет.

Се Юнь насмешливо сказал:

— Значит, причина, по которой ты только что приподнял занавеску и выглянул наружу, такая же, как и у меня в тот день... от скуки, просто посмотреть.

У Дань Чао дёрнулся висок. Се Юнь снова закрыл глаза.

Карета доехала до дома Се. Слуги уже зажгли фонари и почтительно ожидали во внутреннем дворе. Во главе них оказалась та самая управляющая служанка в лёгком красном шёлке. Когда Се Юнь, закутанный в лисью шубу, сошёл с кареты, она быстро подошла вперёд, торжественно и почтительно опустила в глубоком поклоне и высоко подняла в руках огромный лакированный поднос с золотым узором:

— Командир, только что из дворца Циннин императрица прислала человека с даром. Ваша служанка не посмела прикоснуться, прошу командира взглянуть!

Дань Чао подошёл позади Се Юня и вдруг застыл на месте.

На золотом подносе лежали два новых парчовых халата императорской гвардии. Один — белый

с тёмно-красным узором летящей рыбы, с поясом и кожаными сапогами. Не нужно было говорить — это форменная одежда командира императорской гвардии. На халате также лежала мера сияющих жемчужин. Другой халат тоже был парчовым, но без столь сложной вышивки, и цвет был как раз противоположным.

Се Юнь развернул правый халат, примерил его на Дань Чао — ширина плеч и длина как раз подошли.

— Это тебе.

Се Юнь не глядя бросил парчовый халат в объятия Дань Чао, развернулся и ушёл.

То, что командир императорской гвардии во время ночного патрулирования упал в воду, изначально было мелочью, не стоящей внимания. Особенно на следующий день, когда император объявил всему миру о восточном инспекционном турне на гору Тайшань, это стало и вовсе незначительной деталью.

Ажэнь — говорят, детское имя шестого сына императора Гао-цзуна, второго сына императрицы У — Ли Сяня.

<http://bllate.org/book/15578/1387228>